

ИНОСТРАНЦЫ О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА

Б. Казанский

1

Из книги *Le tzar Nicolas et la sainte Russie* par Ach. Gallet de Kulture, Париж, 1855 г.

Автор родился в 1815 г. и впоследствии (в 1860-х годах) был хранителем архива морского министерства в Париже. Он был личным секретарем А. Н. Демидова (ювидимому, с 1840 г.) и впервые прибыл с ним в Россию в 1843 г., в последний раз он был здесь в 1852 г. Книжка его вышла в свет уже в конце 1854 г., во время Севастопольской войны; в 1857 г. она была переиздана. Она написана хлестко, в ней много живых сцен, характеристик и анекдотов, но вместе с тем и основные исторические и статистические данные. Она разоблачала мнимую мощь России, показывая, что система николаевского государства — вопиющий анахронизм, что правительство бездарно и неосведомлено, аппарат управления косный и проданный, армия держится рутинной и страхом.

Галлэ вращался в кругах довольно независимых и оппозиционных. Демидов большей частью жил за границей и был на дурном счету у правительства. Состоя в 1830-х годах при русском посольстве в Париже, Демидов познакомился со Смирновыми, друзьями Пушкина, и встречался с ним позднее. Брат его П. Н. Демидов, умерший в 1840 г., был женат на Авроре Шериваль, хорошо знавшей Пушкина, Вяземского и Карамзина; вторым браком (с 1846 г.) она была замужем за А. Н. Карамзиным, сыном историка. Кроме того, Галлэ был вхож к Волконским. Демидов знал их с детства, живя во Флоренции, где постоянно проживала кн. С. Г. Волконская, и был приятелем сына ее кн. Г. П. Волконского. Бывал Галлэ и у дочери ее А. П. Дурново. С другой стороны, Галлэ имел и польские связи (М. Потоцкий, Друцкой-Любецкой, Кожуховский)

Изложение Галлэ отличается некоторыми подробностями от известных версий о дуэли и смерти Пушкина.

Рассказывали на разные лады и разно комментировали причины гибели Пушкина, над которой еще лежит покров тайны. Мы в состоянии дать здесь вместе с точной версией несколько подробностей совершенно новых.

Решающие факты свидетельствуют, что Пушкин был зачинщиком. Задолго до дуэли он заявил г-же Элизе Хитрово, которая упрекала его в оскорбительности его подозрений в отношении жены, что он не имеет никаких улик ее измены, но что он не может вынести сознания, что его уверенность колеблется.¹

Анонимные доносы ускорили катастрофу. Пушкин получил в один и тот же день по почте восемнадцать писем, которые содержали диплом на звание обманутого мужа.² Эти письма были подписаны бывшим обер-егермейстром Нарышкиным, а второй была подпись графа Зубова, оба известны своими супружескими катастрофами.³

Весь жар арабской крови, полученной от матери, вспыхнули в нем при этом чтении. Он побежал к Дантесу и, показав ему письма, потребовал удовлетворения. Тот, вместо всякого ответа, попросил у него руки девицы Гончаровой, старшей сестры г-жи Пушкиной. Женитьба состоялась. Но новые уведомления пробудили новые сомнения. Пушкин довел грубость по отношению к Дантесу до оскорбления и сделал дуэль неизбежной.⁴

Встреча состоялась в березовой роще, в нескольких верстах от Петербурга, за Новой Деревней. Дантес выстрелил первый. Пушкин, хотя смертельно раненый, имел силы подтянуться и выстрелить в свою очередь. Дантес, раненный в левое плечо,⁵ упал. Пушкин подумал, что убил его. Он бросил ему пистолет в голову.⁶

— Я думал, что смерть этого человека доставит мне больше удовольствия, — сказал он.⁷

Его привезли в город в санях Дантеса.⁸ На одре смерти он написал царю, поручая ему свое семейство.⁹ Николай послал к нему поэта Жуковского, чтобы убедить его уничтожить все, что в его рукописях могло быть компрометирующего.¹⁰ В то же время он велел передать ему через доктора Арендта следующую записку, написанную собственной рукой, карандашом:

„Если Провидение решило, что мы не сможем больше увидеться, то заявляю вам, что я вас прощаю, и если вы имеете желание показать мне вашу привязанность, вы последуете, умирая, заветам религии и доброго христианина, а я позабочусь о вашей жене и детях“.

Что означало под сдержанностью официального языка:

„Вы уничтожьте все, что тайне вы могли написать против моего правления и моей особы; вы бросите в огонь истину, которую высказали, — и на этих условиях я дам хлеба вашей вдове и вашим детям“.¹¹

Пушкин, над которым витала смерть, не был уже хозяином выбора. Он принял сделку и выдал свое мнение в залог. Сделав это последнее усилие, он упал на свое ложе, сказав:

— Кончено!

— Что кончено? — спросил у него кто-то, стоявший на коленях у постели.

— Жизнь, — ответил он.

Это было 2 января 1838 года (?).

Во время борьбы поэта со смертью дом его непрерывно был окружен огромной толпой. Приемные комнаты были переполнены. И так как непрерывно являлись новые посетители, то слуги заявили, что позволят войти только друзьям умирающего.

— Так дайте нам пройти, — сказали мы. — Вся Россия — друзья Пушкина.

Поэт жил в двух шагах от Зимнего дворца. Император мог из своих окон наблюдать толпу. Она вызвала в нем ревность, и он отнял у публики похороны Пушкина. Тело поэта было перенесено тайком в мороз-

ную ночь, в окружении жандармов, в другую церковь вместо приходской.¹² Там священник торопливо прочел заупокойную, и сани отвезли тело поэта в монастырь Псковской губернии, где находилось его имяне. Когда обманутая толпа бросилась к церкви, снег уже занес все следы погребального поезда. Царь даровал 6000 рублей пенсии вдове и 1500 каждому из детей Пушкина. Он заплатил его долги и принял на себя расходы по изданию полного собрания сочинений поэта. Неполного, впрочем, собрания. Пушкин оставил свою душу в своей переписке и в своих тайных рукописях. Он продал ее на своем смертном одре, и не унес с собой даже утешения — единственного, которое поддерживает мыслителя, угнетенного людьми и эпохой, — быть отомщенным своей смертью за свою жизнь.

1. Это заявление встречается только здесь. Друзья Пушкина, напротив, уверяли, что он был убежден в верности жены. Е. М. Хитрово, горячая поклонница поэта, была одной из получившей оскорбительный диплом на имя Пушкина, явившийся завязкой драмы, и переслала его тогда же поэту, который ответил ей письмом (оно не сохранилось). 2. Известно, что диплом был послан кн. Вяземской, С. Н. Карамзиной, Е. М. Хитровой, А. И. Васильчиковой, гр. Внелгорскому и К. О. Россету. Пушкину было известно еще несколько лиц, получивших диплом. 3. Подпись (мнимая) была одна, гр. И. Борха; Нарышкин же упоминался в качестве главы ордена рогоносцев. 4. Обстоятельства вызова Пушкина Дантесу изложены здесь неверно; здесь повторена ходячая версия дантесовского круга (см., например, записки Фаллу). 5. Дантес был ранен в руку ниже локтя навывлет, с контузией живота. 6. То же передает А. М. Языков в письме от 31 января 1837 г. 7. По словам Вяземского, Пушкин сказал: „Странно, я думал, что это доставит мне удовольствие. Но чувствую, что нет“. 8. Раненого Пушкина привезли в карете Геккерна. 9. Сомнительно, чтобы подобное письмо было. Пушкин через Арендта просил царя о прощении себе и Данзасу. Естественно было бы выразить при этом надежду, что царь поможет его семье, которую он оставлял без средств. Во всяком случае, царь сразу же велел Арендту узнать сумму долгов Пушкина. 10. Поручение Жуковскому было дано за сутки до смерти поэта, так что оно, вероятно, было ему известно. 11. Такой же смысл записке Николаю придается и в известном письме Волковой, написанном в день смерти Пушкина. Известно, что Пушкин отказывался исполнить перед смертью обряды, предписанные церковью. „Он выполнил свои христианские обязанности потому, что император ему написал, что за это он позабудется о его жене и детях“, — сообщала Волкова. 12. Ср. в воспоминаниях Фаллу: „Скопление толпы по смерти Пушкина происходило под самыми окнами дворца“ (перевод с французского). Объяснение охранительных мероприятий ревностью Николая, конечно, недостаточно. Опасались демонстраций и считали нежелательным проявления широких симпатий к поэту потому, что — по отзыву III отделения — „подобное, как бы народное изъясление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов“.

2

Из книги „Les mystères de Russie“, par Fr. Lacroix, Брюссель, 1844 г.

Это сочинение дает яркую, хотя и неглубокую, картину нравов и характеров русского общества николаевской эпохи. Обстановка пребывания автора в России неизвестна. Заметка о смерти Пушкина любопытна как решительным осуждением имени поэта, в отличие от русских мемуаристов, так и рассказом о хитрости, к которой прибегнул Пушкин, чтобы провеить отношения жены к Дантесу, так как рассказ этот встречается и в русских источниках.

Дуэль П(ушкина)¹ произвела большой шум по всей России. Человек, который своим талантом делал честь своей родине и который имел перед собой блестящее будущее, заплатил своей жизнью за любовь к женщине, недостойной его. Мы думаем, что обстоятельства, которые предшествовали этому трагическому событию, совершенно неизвестны даже в России.

П(ушкин) подозревал жену в неверности. Анонимные письма и услужливые намеки осведомили его, что один из его друзей, француз, принятый на службу в России, недостойно обманывает его доверие. П(ушкин) решил убедиться в истине, и вот хитрость, которую он придумал. Он приглашает своего приятеля обедать. После обеда переходят в гостиную. Две свечи горят на столике. Прохаживаясь по комнате, П(ушкин) задует одну из них и, делая вид, что хочет ее зажечь снова, тушит и вторую. Во время темноты он чернит себе губы сажей, и, схвативши жену в объятия, целует ее в губы. Через минуту он возвращается со светом — и первый взгляд его обращается на его приятеля. И он замечает следы черного цвета на его губах. Сомнения больше нет; неверность установлена материально!

На следующий день несчастный супруг пал на дуэли, *смертельно раненный* своим соперником.

Мотив потушенного Пушкиным в этой ситуации света встречается также в дневнике М. К. Мердер (дочери воспитателя Александра II, в то время еще наследника), в записи от 22 января 1837 года (напечатано впервые в 1893 году). Здесь Пушкин будто бы потушил лампу, чтобы подслушать за дверью спровоцированный им поцелуй. Напротив, в рассказе кн. А. В. Трубецкого (товарища по полку и приятеля Дантеса), записанном впервые в 1887 году, Пушкин не тушил света, а просто является в гостиную уже с зачерненными сажей губами, целует жену и поджидает Дантеса в прихожей.

Версия, передаваемая Лакруа, представляет, таким образом, соединение того и другого мотива — „потушенного света“ и „черного поцелуя“. В основе лежит, очевидно, сплетня, созданная еще при жизни Пушкина.

3

Из брошюры *La Russie envahie par les allemands. Notes recueillies par un vieux soldat, qui n'est ni paîr de France, ni diplomate, ni député, Paris — Лейпциг, 1844.*

Эта анонимная книжечка показательна как протест против „немецкого застоя“ в России Николая I. В этом плане рассматривает она и те жандармские мероприятия, которые были приняты правительством. Помимо этого, автор сохранил еще воспоминание о негодовании, вызванном гибелью Пушкина и направлением отчасти и против „немцев“. О „стае немцев“ как одной из основных причин „ропота и неудовольствия“ говорится, например, в анонимном письме к гр. Орлову от 1 февраля 1837 г., требовавшем не только „ссылки Дантеса на вечные времена в гарнизоны солдатом“ и „высылки отсюда презренного Геккерна“, но „безусловного воспрещения вступать в российскую службу иностранцам“. Характерен также отзыв в А. Н. Карамзина о споре, который он имел в Париже с гр. Паленом („немцем“) по вопросу об отношении к дуэли и смерти Пушкина.

¹ Мы даем здесь лишь начальную букву фамилии, хорошо известной и даже знаменитой в России. Наше умолчание будет понятно из дальнейшего, так как речь пойдет о женщине, поведение которой заклеймить оглашением мы не берем на себя.

Все, что блистает в России, оскорбляет и ранит взоры (русских) немцев. Разительный пример этому показан был во время трагической смерти поэта Пушкина, который имел несчастье не слишком их любить.

Все классы общества теснились толпой, чтобы поклониться его славным останкам. В этом общем порыве нельзя было усмотреть ничего иного, как лишь честь - даваемую его памяти, свидетельство горестных сожалений, вызванных его гибелью.

Есть имена, — говорили тогда, — которые принадлежат прекрасным царствованиям, как лучи их славы. Так Жуковский останется всегда певцом Александра, как память о Елизавете всегда будет соединена с памятью о Ломоносове, или как имя Державина не будет никогда произнесено без того, чтобы не вспомнить о Екатерине II.

Ну, так эти немецкие сановники, облеченные властью, ожесточились у тела величайшего поэта России, старались опорочить его, напоминая о безумствах его молодости. Эго они, якобы усматривая в общем траурном манифестации, послали солдат, чтобы предупредить „беспорядок“, который мог иметь место, по их мнению, во время его похорон!¹

¹ Тирады, направленные здесь против „немецких сановников, облеченных властью“, напоминавших о революционных порывах молодого Пушкина и опасавшихся противуправительственных демонстраций и „торжества либерализма“ вследствие дуэли и смерти Пушкина, обращены, конечно, в первую очередь против Бенкендорфа, начальника III отделения, шефа жандармов и непосредственного „попечителя“ Пушкина. С этим обвинением сходится и автор письма к гр. Орлову, который, очевидно, также имеет в виду всемогущего временщика, когда заявляет, что „времена Биронов миновали“ и что „неограниченная власть, врученная недостойным лицам, порождает все более ропот и неудовольствие“.

На самом деле, как теперь установлено с несомненностью, Николай I шел еще дальше шефа жандармов в своей подозрительности по отношению к волнениям, произведенным выступлением Дантеса.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

Я Н В А Р Ь • 1 9 3 7

1

ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“